Следовательно, обрисованная Кондовым картина демографического движения в Македонии первой половины XIV в. оказывается ложной: мы можем констатировать уменьшение размера дворов в деревнях Гомату, Иерисс и Като-Волвос в 1301—1317 гг. (при дальнейшей стабилизации) и в деревне Вориск в 1316—1341 гг. В Мелинциани положение на протяжении всего периода оказывается стабильным, а в Радоливе (самом большом из учтенных селений) дворовый коэффициент несколько вырастает за годы 1316—1341. Что здесь происходило в 1301—1316 гг., мы, к сожалению, не знаем.

В какой мере, однако, достоверны приведенные Якоби цифры? Для проверки произведем еще раз расчеты для деревни Вориск. По данным Якоби, там было в 1316 г. 62 крестьянина на 12 дворов, а также 2 «карликовых хозяйства»; дворовый коэффициент как уже было сказано, 5,2. Однако в 12 дворах Вориска жило не 62, а 58 человек (четверо составляли два «карликовых хозяйства»), и, следовательно, коэффициент должен быть уменьшен до 4,9. Можно было бы думать, что Якоби вносит 10%-ную прибавку, поскольку, по его мнению (стр. 170 и сл.), практики опускают 20% женщин, т. е. 10% всего населения — но он не делает этого в других случаях (например, в Радоливо в 1316 г. 961 человек, 222 двора, коэффициент 4,3). Если же учесть все 14 дворов, то коэффициент окажется 4,4.

Переходим к описи Вориска в 1341 г. Согласно Якоби, в деревне 76 человек, в действительности — 75. Это различие ничтожно, существеннее расхождение в числе дворов. Помимо четырех «карликовых хозяйств», Якоби отмечает 16 дворов — на самом деле их было 13. Возможно, правда, что он считает за раздельные хозяйства: 1) семью Птохариса Томбрина и его невестки Марии и 2) семью Василия Босака и его брата Георгия, но каждая из этих семей живет в одном доме и платит единый налог. В описи 1316 г. аналогичная семья Георгия Докиана и его брата Слава посчитана за одно хозяйство. Следовательно, считая без «карликовых хозяйств», мы получаем для Вориска 1341 г. коэффициент 5,2, а вместе с ними — 4,4. Выходит, что дворовый коэффициент Вориска за годы 1316—1341 не претерпел серьезных изменений. Во всяком случае, о том падении коэффициента, которое следует допустить согласно цифрам Якоби,— от 5,2 к 4,4,— на самом деле не приходится говорить.

Оба исследователя делают ряд интересных наблюдений, нередко совпадающих, но по-разному истолкованных; например, они отмечают высокий процент неженатых и незамужних лиц в практиках: по мнению Якоби (стр. 169), это свидетельствует о том, что описи учитывают население, начиная с младенческого возраста; по мнению Кондова (стр. 265), это отражает характерную для Балкан форму свободного брака. Оба отмечают низкий процент женщин в описях: для Якоби, как уже было сказано, это — результат неполноты практиков, для Кондова (стр. 270) — свидетельство обеспеченности населения рабочей силой. По-разному оценивают исследователи и роль миграции: Кондов подчеркивает появление в бассейне Стримона приселенцев из далеких краев, в том числе Михаила Русина (стр. 272),— напротив, по мнению Якоби, перемещение населения было незначительным (стр. 184).

Все эти погрешности в подсчетах и расхождения в истолковании фактов заставят снова вернуться к статистической обработке практиков XIV в. с учетом тех проблем, которые поставлены Якоби и Кондовым.

Очень интересный путь демографического исследования был намечен Э. Антониадис-Бибику, которая предприняла попытку подсчитать количество запустевших деревень в Греции, упомянутых в источниках, начиная с XI в. [13] Она составила таблицу, показывающую, сколько деревень приходило в запустение на протяжении полустолетия. Воспроизвожу эту таблицу (стр. 364):

XI век: первая половина — 3
вторая половина — 83
XII век: первая половина — 10
вторая половина — 20
XIII век: первая половина — 9
вторая половина — 57
XIV век: первая половина — 136
вторая половина — 322
XV век: первая половина — 65

Метод подсчета, предложенный Антониадис-Бибику, не безупречен; она считает запустевшими поселения, упоминания о которых не встречаются в позднейших памятниках (стр. 359), тогда как поселение могло существовать некоторое время, не будучи упомянутым в источниках. Далее, количество упомянутых деревень зависит в какой-то степени от количества и характера источников, относящихся к тому или иному столетию: так, резкое возрастание «запустевших» селений XIV в. (стр. 370 и сл.) объясняется не только политическими и экономическими условиями этого столетия, но и тем фак-

[13] H. Antoniadis-Bibicou. Villages désertés en Grèce. Un bilan provisoire.— Villages désertés et histoire économique. XIe—XVIIIe siècles. Paris, 1965, p. 343—417.